

ЛИТЕРАТУРА

1. Крижановська Т., Крижановський М. Поняття інтерсуб'єкта в новітній парадигмі мислення // Матеріали доповідей та виступів Міжнародної наукової конференції [“Дні науки філософського факультету – 2016”], (Київ, 20–21 квіт. 2016 р.) / редкол: А. Є. Конверський [та ін.]. – К. : Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет”, 2016. Ч. 1. – С. 89–91.
2. Крыжановский Н. Возникновение желаний в архаических глубинах психики // Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету : [збірник]. – Одеса : Феникс, 2015. – Вип. 23. – С. 167 – 170.
3. Фрейд. З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. Психология бессознательного : сб. произведений / сост. и научн. ред. М. Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. – С. 382 – 424.
4. Фрейд. З. Я и ОНО / З. Фрейд. Психология бессознательного : сб. произведений / сост. и научн. ред. М. Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. – С. 425 – 439.

М.Ф. Крижановський. Роза знає, що вона не бур'ян. – Стаття.

Анотація. У статті досліджується психічний апарат людини. Автор вводить поняття «Над-Воно» як вираження інформаційної складової інтерсуб'єктивного простору. Психологічна сутність людини, як і будь-якої іншої живої істоти, а priori складається з несвідомих інстанцій – Воно й Над-Воно.

Ключові слова: психічний апарат, Над-Воно, інформація, інтерсуб'єктивність.

Mykola F. Kryzhanovsky. Rose Knows That It Is Not a Weed. – Article.

Summary. The article investigates the psychic apparatus of man. The author introduces the concept of “Super-It”, which is an expression of the information component of the intersubjective space. Psychological essence of man, as well as any other living creature, a priori composed of instances unconsciously – It and Super-It.

Key words: psychological apparatus, Super-It, information, intersubjectivity.

УДК 130.2:167.1.304.44

И.Я. Леваш,

доктор философских наук,
доктор культурологии, профессор,
Институт философии НАНБ,
г. Минск, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА ПОСТИЖЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ ПОСТДИСЦИПЛИНАРНОЙ К ГЕОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Аннотация. Объектом исследования в статье является идентичность субъектов социокультурной деятельности. Рассматривается проблематика эволюции эпистемологического знания от междисциплинарного к постдисциплинарному, и от него – к геософской методологии как наиболее адекватной современному состоянию познания сложных, системно организованных объектов и процессов в условиях глобализации.

Ключевые слова: методология, идентичность, постдисциплинарное знание, геософское знание, культура, цивилизация, геополитика, глобализация, фронтир.

Два лика идентичности

Идентичность субъектов деятельности была и остается подлинной загадкой Сфинкс. Эта загадка метафорически выражена в парадоксе классика: «Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы... Кто здесь Эдип? Кто Сфинкс?» [14, с. 154]. Это двуединый вопрос диалектического тождества, т.е. совпадения и несовпадения противоположностей. Они предстают в двух основных версиях. Первая из них – *релятивистская* – сводится к тому, что субъект видит себя глазами референтного внеш-

него, но *конституирующего* Другого. В этом духе Гегель отмечал: «Самопознание народов состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах. Для этого они должны доказать, что являются собой самостоятельные народы» [2, с. 480]. Однако на вопрос: *кому* доказывать – Ф. Достоевский отвечал без оглядки на другие народы: «Только бы мы осамились, стали самими собой» – и такова непреходящая идея русского Екклесиаста [4, с. 137]. Следуя ему, В. Розанов писал: «Истинное отношение каждого только к себе» [154, с. 323].

В таком ключе Сфинкс – это Эдип, озадаченный вопросом о *собственной сущности*. В конечном счете, самоидентификация, или *субстанциональное* самоопределение субъекта, *первично* относительно его идентификации. Этот процесс также не в «белых одеждах», не свободен от заблуждений. Но его смысловое средостение – в позиционировании прежде всего не относительно внешнего Другого, а внутреннего Своего, рефлексии зрелого субъекта «наедине с собой». Такой подход предполагает концептуальное осмысление проблемы с позиций триединого вопроса: «Откуда мы? Кто мы? Куда (и с кем) мы?»³.

О геософской методологии

Какое эпистемологическое знание способно стать путеводной лоцией ответа на вопрос о сути феномена *идентичности*? Это вопрос не просто его семиотики, но и семантики, т.е. смысла. Важно определить укорененность в человеческом опыте этого смыслотермина, его адекватность и интегральную емкость. Те, кто стремится к искомому смыслу, видимо, разделяют убежденность постпозитивиста Л. Витгенштейна в том, что «если мы не знаем точных значений используемых нами слов, мы не можем ожидать какой-либо пользы от наших дискуссий» [Цит. по: 16, с. 25]. Иначе мы обречены на «тиранию понятий», от которой предостерегал Ф. Ницше.

Любой термин, введенный в научный оборот, должен быть истинным, т.е. соответствующим «природе вещей», их предметной специфике. Этот принцип адекватного именованья характерен как для западной, так и для восточной культуры. Конфуций называл его нарушение «без-умием» и писал: «Если имя вещи дано верно, дело ладится. Если имя дано неверно, дело придет в нестроение». Л. Толстой также полагал именованье судьбоносной задачей: «Слово – дело великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей». Известный социопсихолог Л.С. Выготский вообще был убежден, что «мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [Цит. по: 7, с. 412].

Научная рефлексия идентичности предполагает опору на *методологию* постижения смысло-жизненной оси человеческой жизнедеятельности – *диалектики необходимости и свободы*. В терминах гениального, хотя и до сих пор упрощенно (если не сказать – вульгарно) трактуемого итальянского мыслителя Н. Макиавелли (1469–1521), это нерасторжимая связь судьбы (рока) и свободы (фортуны). «Я знаю, – писал он, – сколь часто...утверждается и ныне, что во всем мире правит судьба и Бог...однако, ради того, чтобы не утратить свободу воли, может быть, судьба и распоряжается лишь половиной наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям». Более того, «судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно придать любую форму» [13, с. 259, 311].

Итак, рационально понятая, «расколдованная» и поэтому уже не мистическая *судьба* – это всего лишь «материал», то есть совокупность объективных и субъективных обстоятельств в единстве их необходимости и случайностей, а *фортуна*, или свобода воли и выбора – это творческая способность субъектов деятельности к их реализации. Это было мудрое и мужественное восстание против господства «обстоятельств» над человеком, отныне следующим, говоря в терминах классика, «правде не воображаемой, а действительной».

---

³ Этот по сути геософский вопрос впервые сформулировал французский художник П. Гоген. Изобразив жителей острова Таити смотрящими на диск солнца, он снабдил свою картину названием-триадой: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы?»

Действительная т.е. объективная по содержанию правда в том, что, по глубокому замечанию другого европейского гения – Фомы Аквинского (1225/1226–1274), *сущность вещей не сводима к их содержанию*. В отличие от сущности, обусловленной природой вещей, содержание не принадлежит к ней, хотя и устойчиво существует в динамичных конкретно-исторических обстоятельствах [см.: 6, с. 259].

Такие путеводные положения, на первый взгляд, по своему многоаспектному *содержанию* поддаются суммарному описанию в духе т.н. «теории факторов». Однако по своему *характеру* сущность рассматриваемых процессов такова, что ее невозможно постичь с позиций лишь той или иной научной дисциплины. В традиционных терминах, она является *междисциплинарной* проблемой, и ориентация на «междисциплинарность» претендует на парадигмальный статус. Но стоит заметить, что, по Гегелю, теория факторов или «только взаимодействие – пустота». В духе известного немецкого *zwischen* (между) можно накопить некую суммарную информацию, но невозможно адекватно *объяснить* ее.

Этот парадоксальный феномен доступен рациональному объяснению, и есть смысл прислушаться к Д. Беллу: «Если говорить об американской социологии, то все ее представители занимают в основном чисто прикладными исследованиями и демонстрируют феноменальную неспособность к соотнесению результатов с какими-то более или менее общими теориями. Особенно это стало проявляться с тех пор, как в качестве такой общей теории перестали использовать марксистскую парадигму» [1, с. 74]. Вообще дефицит продуктивности выявляет любая теория, которая иллюзорно замыкается в своей дисциплинарной «башне», но в реальности подтверждает японскую мудрость: «У подножия маяка темно».

Почему и как это происходит, сторонникам узкодисциплинарного подхода по-прежнему невдомек. При всей полезности *фрагментов* создаваемой картины и связанных с ней *событий*, в ней недостает видения *целостности процессов*. Еще Гераклит заметил, что «многознание не научает разумности», и подлинной мудростью является «знание мысли, которая везде всем правит» [Цит. по: 6, с. 82]. Выдающийся немецкий мыслитель прошлого века, глубоко сознающий неэффективность фрагментарного и даже суммарного знания, писал: «Ситуация (нашего времени) означает...*смысловую* действительность...Эта действительность является предметом не одной, а многих наук... Существуют ситуации всеобщие, типические...» [18, с. 9–10].

Потребность в таком подходе заметна и в статье М. Догана, руководителя Центра международных исследований (Париж), с характерным названием: «Новые социальные науки: разрушение дисциплинарных перегородок». Он пишет, что «сети перекрестных влияний...стирают старую классификацию социальных наук...Слово «междисциплинарный» уже не подходит..., оно несет в себе намек на дилетантизм, и его необходимо избегать». Эксперт предлагает заменить междисциплинарность «терминами *мульти-специальность* или *гибридизация* научного знания» [3, с. 169]. Вместе с тем смысл этих терминов во многом зависит от интерпретации. Их можно понять и в духе метафоры Ф. Кафки об узнике: годами он тайно рыл подкоп для побега, и однажды, буквально увидев свет в тоннеле, услышал голос надзирателя: «Поздравляю, ты – в соседней камере».

В каком направлении «копали» методологически бескрылые, но громогласные трубадуры мировой экономики, показал последний финансово-экономический кризис. Как и всегда, он нагрянул внезапно, и «философия хорошей погоды», сформулированная в документах ведущих международных организаций и ангажированных экспертов как концепция «устойчивого развития», говоря словами классика, «крахнула». Текущий системный кризис миропорядка также убедительно выявил, что его сущность и исход могут быть рационально поняты только совокупными усилиями представителей ряда наук. В том числе ныне «угнетенного и оскорбленного» марксизма, и не путем незамысловатого суммирования цитат, выдернутых из его суррогата – текстов т.н. «марксизма-ленинизма», а синтеза аутентичного марксизма с достижениями всех социогуманитарных наук. Целое в нем не только заведомо больше суммы своих частей, но и является их *иным* совокупным качеством.

Это вовсе не означает отрицания дисциплинарного подхода, специализированного знания. Тем не менее, необходима его *мера*, видение проблемных комплексов в поступательном движении от *темпорального* постдисциплинарного знания к *системно-синергетическому геософскому знанию* как его *сущностному синтезу*.

Белорусская идентичность

Геософский императив целиком относится и к проблематике позиционирования Беларуси в мире. В самом деле, возможно ли объяснить ее *только* с геополитической, геоэкономической или социокультурной точек зрения и даже их суммы? Да, подобно Польше или Чехии, мы находимся в центре Европы, между традиционно понимаемыми «Западом» и «Востоком», но наши проблемы, во многом совпадая и даже имея общие исторические корни, имеют специфический характер. Применительно к нашей теме это означает, что *существование* таких соседей Беларуси, как Польша в Европе или Россия в Евразии, *не определяет* их во многом различных *сущностей*, хотя, безусловно, влияет на них. По аналогии: географическая судьба Японии – быть дальневосточной страной (без вариантов), но ее исторический выбор обусловил вхождение в так называемый G-7 – клуб наиболее развитых государств.

Отсюда настоящая потребность не только в геополитическом/геоэкономическом, но и в *культурно-цивилизационном* постижении нашей проблемы. Эту парадигму можно выразить словами американского эксперта (индийского происхождения) С. Бенхабиб (Йельский университет): «*Культура стала сейчас повсеместно употребляемым синонимом идентичности*». По словам российского культуролога Г. Померанца: «Одной физической географией всего этого не объяснить. Среда – зов, а культура – ответ».

Следовательно, воздавая должное географическому и геополитическому/геоэкономическому измерению проблемы, мы не можем ограничиваться их интерпретацией с позиции так или иначе фрагментарной «теории факторов» и стремимся реализовать их видение на культурно-цивилизационных, шире говоря, *геософских* основаниях. Иными словами, их смысло- и системообразующим ядром является геофилософия как методология постижения синергетических взаимосвязей геополитики, геоэкономики и их социокультурных оснований.

Такой подход предполагает опору на верифицируемые в конкретно-историческом опыте *основания*. К. Калиновский отмечал, что «история выработала для белорусов *особую национальность*, и они владеют всеми условиями для самостоятельного развития». В какой же культурно-цивилизационной нише сформировались белорусы как «особая национальность»? Этот вопрос решают все субъекты в процессе своего культурно-исторического самоопределения. В свое время Гете писал: «Deutschland? Aber wo liegt es? Ich weiss das Land nicht zu finden» («Германия? Но где она? Я не могу найти этой страны»).

В Великобритании до сих пор не определились со своей атлантической или европейской природой, и многие там до сих пор утверждают, что британцы – «не европейцы».

Определение «самости» Беларуси – также во многом открытая проблема. В этой связи примечательно, что чем менее мыслители и эксперты официозны, тем более независимы и адекватны их суждения. Так, еще в 1849 г. В. Гюго, выступая на Конгрессе мира в Париже, говорил: «Придет день, когда ты, Франция, ты, Россия..., все вы, все нации континента, не жертвуя отличительными чертами вашего своеобразия, все сольетесь в некоем высшем единстве и создадите европейское братство» [Цит. по: 5, с. 8]. Понятно, Беларусь давно была составной России того времени. Но еще в конце прошлого столетия экс-президент ФРГ Р. Херцог заявил: «Европа – нечто большее, чем Европейский Союз. К ней непременно относится и Россия со своей историей и культурой» [НГ. 20.05.1999]. Характерно и суждение экс-президента Польши А. Квасьневского: «Беларусь – не сосед Европы, а *европейский сосед*». Обобщающая оценка содержится в статье «ЕС-Беларусь»: гистарычны агляд» названного выше издания ЕС: «Беларусь – неотъемлемая часть европейского наследия и европейского сообщества наций» [5, с. 21].

Европейский хронотоп белорусского Дома неуклонно *конкретизируется* в контексте «открытия» Центральной Европы. Введение термина «*Центральная Европа*» (ЦЕ) в постдисциплинарный европейский дискурс требует пересмотра как его чисто географической версии, так и геополитической неопределенности термина «Центральная и Восточная Европа» (ЦВЕ). Степень соответствия Беларуси основным параметрам именно *центральноевропейского* (среднеевропейского) суперрегиона, населяющих его средневропейских народов такова: а) «цветущая сложность» (К. Леонтьев) или максимум многообразия при минимуме жизненного пространства; б) историческая общность христианской культуры народов Средней Европы и вместе с тем водораздел ее основных ветвей; в) острый дефицит материально-энергетических ресурсов и тем не менее – наличие главного производительного ресурса – квалифицированного работника; г) наследие объектов, а нередко и «дубьектов» (А. Платонов), но неизменно – аутсайдеров великих держав; д) основной театр военных действий прошедших и потенциальных мировых войн.

В такой системной оптике Беларусь предстает как значимая глава единой древнерусской и не вполне известной центральноевропейской истории, которая, как подчеркивал А. Тойнби, формировалась *более* тысячелетия, еще *до* хрестоматийной колыбели – Киевской Руси. Но и в наше время немецкий исследователь А. Зам отмечает, что ситуация в Беларуси имеет свои *аналоги* в немецком развитии, которое получило название *Sonderweg* – *особый путь*. Белорусский *Sonderweg*, при всей его уникальности, – однопорядковый с поиском народов, которые искали и обретают свою *центральноевропейскую* идентичность *вопреки* многовековой и неослабевающей гравитации «Запада» и «Востока».

В таком контексте Беларусь предстает как самостоятельный или составной субъект *центральноевропейской* истории и современности и, следовательно, ее судьба – это прежде всего взаимодействие в культурно-цивилизационном ареале семейства центрально- или средневропейских народов и государств, а выбор – в *характере* взаимодействия между ними и в *меру плодотворности* этого сложнейшего процесса – *самоопределения и сотрудничества* как с ЕвроЗападом, так и ЕвроВостоком.

В геософском аспекте методологически важным является взаимосвязь и вместе с тем различие смыслов терминов «*традиции*» и «*наследие*». Первые являются доступной с позиций «теории факторов» суммой процессов и событий, которые произошли в истории данного субъекта в совокупности их позитивных, нейтральных и даже негативных проявлений. Второе же – это результат качественного отбора в традициях именно позитивного, непреходящего, способного играть роль наследия, «точки опоры» в модернизации конкретно-исторического субъекта. Так, многовековая традиция Беларуси в том, что она никогда не была самостоятельным государством, но этот устойчивый негатив нет смысла воспринимать как позитивное наследие современной суверенной Беларуси.

Тем не менее, в истории страны создан богатый арсенал артефактов, способных быть достойным наследием в процессе ее современного возрождения и самоутверждения в современном мире. В этой поучительной картине заметно выделяется XVI столетие эпохи ВКЛ – «золотой век» белорусского Возрождения, символический ключ белорусской национальной идеи. В этот период в Беларуси произошло кардинальное культурное обновление, которое обрело *общеевропейскую* ценность. ВКЛ – «это исконная Русь, существовавшая на старом корню, медленно эволюционирующая, но не срывающаяся со своих жизненных устоев,...на этом фундаменте создавалась и вся дальнейшая стройка...» формировался жизненный уклад, «имеющий много сходного с западноевропейским феодализмом» [12, сс. 1, 75–76, 80]. «В итоге среди динамичных общественных слов...происходит переориентация на западные нормы и ценности», что означало «включение их в круг *центральноевропейской* цивилизационной модели». «Вестернизацию» белорусских земель нельзя преувеличивать...Но и отвергать *историческую особость* белорусов,... также неверно» [17, сс. 181, 182].

Вместе с тем, констатируя эти кардинальные сдвиги, было бы упрощением сводить их к смене по-своему значимой геополитической парадигмы. Начиная с общей колыбели – Киевской Руси, Беларусь находилась с Россией в *различных* ситуациях политического противостояния, но *всегда* – культурно-цивилизационного притяжения.

Отмеченные процессы инициируют выражение их хронотопа в терминах *пограничья, моста, ворот, контактной зоны*. Суть проблемы может быть адекватно выражена смыслотермином «фронтир». Этимологически фронтир восходит к англ. frontier – «граница», а исторически – к концепции фронта как «пограничья» между цивилизацией и «варварским» миром. Эволюция содержания этого термина позволяет ввести его в научный дискурс как одну из смыслообразующих геософских идей. *Фронтир* – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных практик, во взаимодействии которых, в конечном счете, все более отчетливо кристаллизуется определенный культурно-цивилизационный вектор.

Для Беларуси он не «западный» и не «восточный», а автохтонный – *центральноевропейский*. В 1994 г. на международном форуме в Минске подчеркивалось, что Беларусь существует не в «ближнем зарубежье», а у себя Дома» [см.: 8; 10]. «Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад – МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе» [11] – такова концептуально и политически зрелая формула *субъектности* Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. – М.: Свободная мысль, 2007.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
3. Доган М. Новые социальные науки: разрушение дисциплинарных перегородок // Межд. журнал социальных наук. – 1998. – № 20.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.11. – Л.: Наука, 1974.
5. Еурабюлетень. Навіны супрацоўніцтва. – Мн., 2013.
6. История философии в кратком изложении / пер. с чеш. И.И. Богута. – М.: Мысль, 1994.
7. Коммуникативные стратегии. – Спб.: СПбГУ, 2007.
8. Левяш И.Я. Русские в Беларуси: дома или в гостях? // Социс. – 1994. – № 8–9.
9. Риер Я. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. Т. XIX–XX. – № 8–9.
10. Левяш И.Я. Средняя Европа: структура и геополитический выбор // Полис. – 1995. – № 1.
11. Лукашенко А.Г. Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире: доклад на совещании с руководителями загранучреждений // СБ. 23 июля 2004.
12. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – М.: Вольная типография, 1915.
13. Макиавелли Н. Сочинения / Жизнь Никколо Макиавелли. – Спб.: Лениздат, 1993.
14. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ницше Ф. Сочинения [в 2 кн.]. Кн. 2. – М.: Сирин, 1990.
15. Розанов В.В. Опавшие листья (Короб первый). Т.2. – М.: Правда, 1990.
16. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. – М.: Культурная инициатива, 1992.
17. Риер Я. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. Т. XIX–XX. – М., 2006.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994.

І.Я. Левяш. Проблема осягнення ідентичності: від постдисциплінарної до геософської методології. – Стаття.

Анотація. Об'єктом дослідження в статті є ідентичність суб'єктів соціокультурної діяльності. Розглядається проблематика еволюції епістемологічного знання від міждисциплінарного до постдисциплінарного, і від нього – до геософської методології як найбільш адекватної сучасному стану пізнання складних, системно організованих об'єктів і процесів в умовах глобалізації.

Ключові слова: методологія, ідентичність, постдисциплінарне знання, геософське знання, культура, цивілізація, геополітика, глобалізація, фронтир.

Ilya J. Levjash. Problem of Comprehension of Identity: from the Postdisciplinary to Geosophical Methodology. – Article.

Summary. Object of consideration in article is Identity of subjects of sociocultural activity. The evolution problematics of epistemological knowledge from interdisciplinary level to postdisciplinary, and from it - to geosophical methodology as by the most adequate to a current state of knowledge difficult is considered, is system organised objects and processes in the conditions of globalisation.

Key words: methodology, identity, postdisciplinary knowledge, geosophical knowledge, culture, civilisation, geopolitics, globalisation, frontier.

УДК 304.444:124.5

Т.Ф. Маслова,

доктор социологических наук,

Ставропольский государственный педагогический институт,

г. Ставрополь, Россия

ОСНОВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье раскрывается социокультурная сущность интеграции модернизирующегося общества, обосновываются группы консолидирующих ценностей, раскрываются возможности их анализа.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, консолидирующие ценности, современное общество, модернизация.

Социокультурная интеграция в условиях модернизации современного общества представляет собой одно из наиболее сложных явлений, что связано с разновекторностью нынешнего социума. С одной стороны обнаруживается востребованность сохранения целостности и устойчивости базовых сфер и рациональных практик социальных отношений, а с другой, – прорыв к новым, передовым и перспективным моделям общественного бытия. Разрешение данного противоречия требует научно-практического анализа данного феномена и обоснования его социокультурной сущности.

В объективистской социологии суть интеграции содержится, прежде всего, в парадигмах функционалистского и структурно-функционалистского направлений, и связана с исследованиями общества как системы и социальной реальности, которая в логике анализа конкретно-исторического интегрирующегося социума не существует иначе как в изменении (самоизменении) и развитии (саморазвитии). И выступает как единый (целостный) и универсальный (всеобщий) социальный процесс [1, с. 220].

Наиболее ценным, с нашей точки зрения, является систематизация представления о гуманистической природе консолидирующих основ интегрирующихся объектов, что зафиксировано в классической науке и работах ее последователей. Данное представление базируется на идеях о существовании общества для блага своих членов, и целого ради своих частей (Г. Спенсер), о формализации «нравственной солидарности» на основе принципов прогресса и развития личности (Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский, П.А. Кропоткин, Н. Кареев и др.), о консолидирующих гуманистических ценностях (П. Сорокин, Э. Дюркгейм) и социальном согласии на принципах морали (О. Конт), о факторах интеграции, носителем которых являются индивидуальные и коллективные действия (М. Вебер) и т.д. Эти идеи дают основания для осмысления интеграции через свойство гармоничности, проявляющейся по линии социальной системы и ее социальных единиц; культура, обеспечивает содержательные и технологические аспекты взаимодействий соответствующими средствами и ориентациями.